

Studia Culturae: Вып. 4 (34): Schola: P. Скратон, перевод: Д.В. Крутолапов. С.166-178.

P. СКРАТОН¹

*Доктор философских наук
Биркбек, Университет Лондона
Лондон, Великобритания*

ПЕРЕВОД: Д.В.КРУТОЛАПОВ

*студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет*

В ЗАЩИТУ ЭЛИТИЗМА

В данной статье Роджера Скратона рассматривается элитизм как стремление человека к признанию его статуса через его достижения. Элитизм также рассматривается как необходимый для развития самого общества элемент. Однако, современное общество стремится к уравниванию всех людей и упразднению отличий, что девальвирует ценность человеческих заслуг и обесценивает вклад людей в развитие самого общества, ведёт к стагнации.

Ключевые слова: иерархия, политика, заслуги, современное общество, равенство.

Настоящая статья представляет собой перевод, осуществленный с личного разрешения автора.

TRANSLATION: D. V. KRUTOLAPOV

*M.A. student of Institute of Philosophy
Saint-Petersburg State University*

R. SCRUTON

*Doctor of Philosophy
Birkbeck, University of London*

---

¹ Роджер Скратон, как философ, практически неизвестен российскому читателю. На русский язык была переведена лишь одна из его больших работ – «Кант. Краткое введение». Подавляющее число его статей переводчики в России также обошли вниманием. Однако, Р.Скратон не был обделён вниманием российских СМИ, ему посвящали довольно громкие заголовки: «Британский философ: Европу погубят мигранты и Путин» и «Философ Роджер Скратон: У наших домашних животных нет моральных претензий». Мы можем критиковать журналистику за то что она не всегда даёт нам верное представление о том, о чём она пытается нам рассказывать, но в случае с Р.Скратоном, журналисты оказываются, безусловно, правы, когда описывают британского философа как крайнего консерватора.

London, United Kingdom

IN DEFENSE OF ELITISM

Current article of Roger Scruton is considering elitism in terms of positive distinction between people as recognition of their ones through their achievements. Also elitism is considering as necessary element of society that helps it to develop. However, modern society aims to equality all people and destroying any kind of distinction. This situation leads to devaluation of human contribution to development of society, leads to stagnation.

Keywords: hierarchy, politics, merit, modern society, equality.

This article is a translation made with the author's personal permission.

Существует широко распространённое выражение «тирания большинства», введённое в политический дискурс в XIX веке двумя современниками. Алексис де Токвиль, знаменитый французский писатель, создавший труд «Демократия в Америке», путешествовал по ней, пытаясь понять, как народ может выжить без аристократии. Будучи сам аристократом, он был поражен тем, что люди всё-таки выживали и без неё. И в то время как он думал, что человеческая жизнь могла бы измениться в сторону большей демократичности, он распознал постоянную угрозу, которую он назвал тиранией большинства. То есть, угрозой того, что каждое решение общества будет приниматься *большинством для большинства*, пренебрегая как правами меньшинств, так и возможными расхождениями во мнениях. Он открыл, что в Америке, подобная тирания большинства не возникла. Так он задался вопросом о том почему этого не произошло?

Известный английский политический философ Джон Стюарт Милль, поднял вопрос о похожей угрозе. Он опасался того, что при реальной демократии, которая уже появилась в Америке и только появлялась в Англии, отдельные лица, меньшинства и представители власти (*legitimate groups*) утратили бы защиту от мнения большинства. И как мы знаем, большинства обладают большей властью, чем меньшинства. Если у первых есть сила, чтобы навязывать свои взгляды, то что тогда будет происходить с меньшинствами? Что будет с несогласными?

И Токвиль, и Милль признавали, что настоящий политический порядок может существовать только там, где происходит обсуждение насущных вопросов. И только там возможно обсуждение, где узаконено несогласие. Но в действительности людям не нравится, когда с ними не соглашаются. И так, как можно сделать несогласие возможным? Как получить большинство, которое примет тот факт, что есть такие люди, которые не являются частью большинства?

По крайней мере в Америке дошли до мысли о том, что нужна конституция, которая будет стоять выше народа и устанавливать для него пределы. Тому есть множество причин, но в частности есть одна, которую я называю «фантазией либералов», фантазия о том, что люди изначально хорошие, в то время как власть и привилегии – нечто плохое. И поэтому мы должны отказаться от таких мощных вещей как конституция или верховенство права, от людей, занимающих судебные должности и людей, которые стоят над большинством и говорят ему что делать. Потому что люди, являясь по своей натуре хорошими, будут всегда поступать правильно, как только вы предоставите им свободу поступать.

И так, многие среди вас ещё молоды и пока еще не имеют полного представления о злой природе других людей и своей собственной. Но у вас будет множество возможностей узнать о ней и вы со временем начнете это понимать. Несмотря на то, что некоторые институты власти действительно «злы», другие необходимы для того чтобы облагораживать людей. Между прочим, я думаю, что это часть того чем является образование. Мы надеемся, что вы, молодёжь, повзрослев, вынесете для себя что-то хорошее. Не только лишь знания, но возможно и способность ладить с другими людьми, оставляя след в обществе, сотрудничать, быть таким человеком, которому не нужно распускать кулаки, чтобы отстоять своё мнение.

Таким образом, если обобщить, люди нуждаются в управлении. И я думаю что вся политическая философия нуждается в осмыслении того какая часть человеческой природы создает потребность в управлении. Существуют определённые стороны человеческого бытия (condition), о которых люди задумываются неохотно. Каждый из вас избегает думать о тех вещах, которые как вы знаете, могут быть неприемлемыми для вас самих или для других. Но есть несколько основных черт человеческого бытия, осмысление которых мы находим сложным.

Во-первых, это зависть и resentment. Люди испытывают неприязнь к богатству, статусу и талантам других людей и это нормально. Немецкий философ XIX века Ницше, с которым, я уверен, вы столкнулись тем или иным образом, думал, что это resentment (он использовал французское слово по своим убеждениям), присущ человеческим сообществам изначально. В конце концов, именно resentment заставляет мир вращаться и именно потому мир столь ужасен. И в действительности Ницше был не от мира сего. Он был скверным человеком. В своём подходе к вещам, Ницше придерживался позиции отшельника, придерживался гораздо большего одиночества, чем большинство из вас могло бы себе позволить. Оставляя в стороне его так называемую «позитивную философию», я думаю, что большинство людей бы признало, что Ницше так думает не на пустом месте. Разумеется, люди

недолюбливают друг друга и одно из самых недолюбляемых качеств в других людях – это то, что они делают что-то лучше, чем мы. И resentment будет присутствовать всегда, особенно когда мы находимся в тесной конкуренции за что-либо, чем мы очень сильно желаем обладать. Мы боремся друг с другом за работу, любовь, положение в обществе или социальный статус и видим, как другой это получает. И мы не в состоянии справиться со своими чувствами.

Однако существует ещё одна группа людей, которой необходимо управлять. И это гораздо больше интересовало Джона Стюарта Милля, а именно его интересовало человеческое стремление к единогласности (orthodoxy). Миль верил что единогласие, а не право на свободу мнений, является изначальным состоянием человеческих обществ. Он верил, что единогласие преобладает, и мы находим в нём убежище. Мы знаем, что если мы повторяем то, что говорят все остальные, даже если мы не верим в полную правдивость их слов, тем не менее, мы в безопасности и никто на нас не посягнёт. А чтобы выступить против, и сказать то, что в целом не одобряют, требует мужества, даже если каждый столкнётся с правдой лицом к лицу.

Французский философ, критик и антрополог Рене Жиар особенно выделял другую особенность человеческих обществ – встроенную в нас необходимость в козлах отпущения и в преследовании еретиков. Если общество находится в сложном положении, отношения между людьми становятся натянутыми, люди не могут прийти к согласию между собой по насущным вопросам или возможно они сталкиваются с некой угрозой. Всё это помогает найти крайнего. Виноват ли он на самом деле - не важно. Мы находим его, преследуем, объединяемся против него и благодаря этому начинаем чувствовать себя хорошо. Мы все начинаем ощущать, что нашли проблему, и что будем стараться избавиться от неё. Конечно, это то, что делал Гитлер с евреями в межвоенный период в Германии. Он говорил: «Не беспокойтесь. Причина того что наше общество находится в полном хаосе не из-за моих нападков на него. Наоборот, так происходит из-за евреев, объединившихся против нас и сговорившихся с целью подорвать образцовое поведение арийского большинства. Потому мы будем преследовать их и избавляться от них». И я думаю, если вы бросите взгляд на историю, вы увидите что поиск козлов отпущения одна из самых важных особенностей человеческого общества.

И каждая из этих трёх особенностей указывает на тот факт, что как человеческим обществам, так и индивидам сложно прощать¹. Сложно прощать людей за то что они лучше чем мы, за то что выделяются своим мнением, за то что они отступают от того, во что мы верим. И раскаяние встречается редко. Люди не часто признаются в собственных ошибках или испытывают какое-либо раскаяние или сожаление для того чтобы искупить или загладить вину. И я думаю, что вы все знаете это из своей собственной жизни. Однако, частично из-за нашего иудео-христианского наследия, мы также знаем что умение прощать является безусловным основанием того типа общественного строя, в котором мы находимся. В этом обществе люди могут жить в мире друг с другом, так как они готовы прощать чужие ошибки и признаваться в своих собственных.

Теперь в свете этого, вы можете увидеть, почему опасно быть или стремиться стать представителем элит. И в Америке справедливо считают, что извиняться за подобное естественно. Это хорошо - просить прощения, но это может пойти слишком далеко. Вы все пользуетесь американской привычкой извиняться, когда кто-то врежется в вас на улице. Вы спонтанно берёте вину на себя за всё что идёт не так, для того чтобы заранее установить мирные отношения. Извинение в америке - это своего рода мирный способ избежать несовершенств человеческого общества. Всякий раз, когда вы наталкиваетесь на кого-то, кто превосходит вас, вы извиняетесь, а затем уходите. Конечно, я не говорю что это нечто плохое, но это не решает всех проблем.

Последствия этой человеческой среды в первую очередь состоят в том, что существует своего рода возмущённое требование равенства. И очевидно оно имеет место, особенно в нашем обществе. Сегодня в каждой сфере общества существует желание сделать всех равными. Люди не любят иерархий и привилегий, также у них есть естественная склонность высказываться о том, что кто-то их не заслуживает. Когда кто-либо заяв-

---

¹ Данная статья крайне примечательна тем, что английский философ сталкивает, казалось бы, два противоречащих друг другу взгляда на общество, а именно ницшеанскую позицию и христианство. Сократон рассматривает общество как пропитанное resentmentом. Он, говорит, что в обществе так или иначе всегда присутствует момент недоверия одного человека к другому, момент конфликта. Каждый стремится занять более выгодное место в жизни, зачастую обеспечивая его себе за чужой счёт. Однако, по Сократону, негативные моменты resentmentа сглаживаются за счёт нашей способности прощать, тем самым наша конкуренция не становится столь разрушительной для общества, мы становимся способны жить бок о бок друг с другом

ляет о своём высоком положении, встают вопросы: «Кто это? Кем он себя возомнил? По какому праву он претендует на превосходство надо мной?». Поэтому такие иерархические организации как католическая церковь часто подвергаются критике как анахронизм. Люди говорят, что это было хорошо в средние века, что они в подобных организациях не нуждаются, говорят, что такие организации по своей сути несовместимы с тем типом общества, который сложился сегодня. И я уверен, вы знаете, что католическая церковь страдает от этого (также как и от многого другого), потому что люди не принимают идею о том, что власть дана свыше и воплощена в личности и должности Папы Римского, и что эта власть стекает вниз через епископства и так далее, к рядовому верующему. В противовес этой идее у нас есть евангельские церкви, которые хотят возвысить всех, утверждая, что Святой Дух посещает нас всех в равной степени.

Богатство и привилегии, интеллект и культура – всё это цели ressentимента в нашем обществе. Так происходит, потому что очень трудно получать удовольствие от благ, которых ты не разделяешь. Удовольствие от чужого успеха встречается редко. Оно включает в себя акт умения прощать: вы должны простить кого-то за то, что он лучше вас, за то, что заполучает ту девушку, которая вам нравится и так далее. И как я говорил, люди редко прощают друг друга. И, тем не менее, получать удовольствие от чужого успеха – одна из традиционных добродетелей американского народа. И я думаю, что это одна из тех добродетелей, которая делает этот народ столь многообещающим. В Европе люди крайне редко получают удовольствие от чьего-либо успеха, кроме своего. И даже тогда, первое, что они делают со своим успехом – это скрывают его, на случай если кто-то об этом может узнать. Однако, в Америке, будучи успешным, вы выходите и говорите: «Да, я сделал это!». Тем не менее, люди, которым это еще не удалось, хлопают вас по плечу и скажут: «Отлично, мы очень рады за тебя!». Отчасти так происходит, потому что люди в этом обществе признают, что обладают такими же возможностями. Вид того, что кто-то чего-то достигает, убеждает их, что когда-нибудь и они достигнут того же самого.

Но из-за доминирования ressentимента и из-за редко встречающейся способности прощать, существует желание низвергнуть сильных, стереть всякое отличие или сделать его бесполезным. Так происходит не в каждой сфере, и я думаю, что это крайне интересно. Например, в спорте талант по-прежнему повсеместно признаётся и широко превозносится. В некотором роде мы чувствуем, что другие люди не осуждают нас за успех в спорте. Я бы никогда не имел и шанса на успех в американском футболе, разумеется, как и в любом другом спортивном

предприятию, поэтому я не переживаю. Так сказать, я рассчитал свою жизнь так, чтобы не конкурировать в этой сфере. Но это очень интересный вопрос, почему людей не слишком беспокоит проявление отличий в области спорта? Насколько это очевидно, одним из предположений, является то, что сферы спортивного бы не существовало, если не было людей, которые не выделялись в нём и как бы мы могли играть в игру, если у нас не было бы цели преуспеть в ней? Стремление победить заложено в самой сути состязания. Но люди сомневаются в том, что на таком принципе основаны и другие, действительно важные для нас сферы человеческого общения.

Существует и обратная сторона. Немецкий социолог Макс Веббер утверждал, что в каждом человеческом сообществе у должников есть мотив объединяться против кредиторов, чтобы лишать их собственности. И мы видим, что так происходит и в политике: большинство голосует за то чтобы лишить собственности самых успешных, потому что они верят, что богатство на самом деле не принадлежит тем людям, которые его получили. Скорее оно является общественным имуществом и должно быть распределено более честно. И мы можем распределить его более справедливо с помощью государства. Мы можем обложить налогом богатых и распределить полученные деньги между остальными.

И большинство политических философов это оправдывает, но не в таких грубых выражениях, которые использовал я и не словами Макса Веббера. Веббер лишь высказывает правду. Политическая философия является прекрасным гобеленом лжи, сотканным для того чтобы скрыть эту истину. Но Джон Ролз, в своей знаменитой книге посвященной справедливости, по существу думает таким же образом: богатство – это общественное имущество и не может быть в чьей-то собственности пока не будет распределено. Более того, оно должно быть распределено в соответствии с планом, который будет учитывать общественные потребности всех людей, и который, следовательно, будет введён в действие, конечно же, государством. Таким образом, из-за этого чувства, что имущество действительно в каком-то смысле является собственностью общества, большинство людей будет голосовать не только за перераспределение экономических благ, но также и стремиться избавиться от тех угроз, которые в себе может нести всеобщее образование.

Произошло движение в сторону учебных планов без оценок¹: теперь каждый получает отметку «отлично», каждый выпускается с красным дипломом. И, конечно же, это снижает ценность учёной степени до того предела, когда нет никаких причин иметь какую-либо степень. Эта ситуация принимает вид угрозы для достигающего усердной работой образования. Я знаю, что вы упорно трудитесь, иначе вы бы сегодня сюда не пришли. Вы стараетесь не для того чтобы получить бесполезный документ, но для того чтобы получить что-то, что действительно отображает то, чего вы достигли, что ваша работа была стоящей.

Но опять-таки, большинство не может с лёгкостью отличить подлинную культуру, которая является сферой деятельности меньшинства, от поддельной, которой мы все можем овладеть. И это то, чем так обеспокоены сторонники классической музыки, потому что им известно, что классическая традиция в музыке содержит в себе драгоценные достижения, драгоценные знания и драгоценный мир чувств, которые требуют некоторой предварительной подготовки, прежде чем в них окунуться. Множество людей скажет: «Нет, не надоедайте нам с этим. Давайте вернёмся к Леди Гаге». Но, не говоря ничего о Леди Гаге, тем не менее, стоит приложить некоторое усилие для погружения. Пока вы этого не делаете, вы не узнаете зачем. Существует множество похожих явлений в человеческой жизни. Вы знаете ценность чего-либо, только когда вы с этим ознакомились. Но для того чтобы ознакомиться с чем-либо, вы должны убедиться в его значимости. Похоже на парадокс, не так ли? Это похоже на знаменитый парадокс Маркса Граучо о клубном членстве: «Почему я должен быть членом клуба, который принимает таких, как я?»

Вследствие этого парадокса, люди начинают сомневаться во всей идее оценивания вообще, приходя к выводу, что давать оценки это неправильно. И дающий оценки (judge) становится своего рода изгоем в нашем об-

---

¹ Так же как и философы-традиционалисты, Р.Скратон уделяет большое внимание критике современности, сопоставляя её с миром прошлого. Так, например, он замечает стремление современного общества к тотальному уравниванию всех со всеми. Его статья носит название "В защиту элитизма" не случайно и также как и философы-традиционалисты, Скратон уделяет много внимания элитарным институтам и рассмотрению неравенства в положительном свете. Именно положительное отличие одних от других и привилегированное положение тех, кто вносит наибольший вклад в общество, позволяют обществу развиваться, обогащаться и становиться лучше. С другой стороны, тенденции уравнивания, которая в современном обществе достигает невиданных доселе масштабов, лишает людей всякого энтузиазма вносить свой вклад в общее дело. Так, Скратон, нам доказывает, что тенденции уравнивать всех, рано или поздно могут привести к разрушению самого общества, к его деградации.

шестве. У этого факта существует несколько последствий. Одним из них является покушение на захват и распределение имущества пришедших к успеху. Проблемой здесь является то, что успех карается таким образом, что делает невозможными любые его плоды. И это то, что мы видели в коммунистической Европе: конфискация всей прибыли любого предприятия приводит к исчезновению прибыли вообще, что в итоге становится нечего перераспределять, а общество становится всё беднее и беднее. Но, тем не менее, большинство требует всё больше и больше, вынуждая правительство занимать у будущих поколений. Мы должны иметь то, что имели когда-то - не только возможности, но и пособия, которое наше правительство уже пообещало нам, даже хотя воспроизводящие пособия экономические активы становятся все меньше и меньше. И мы видим это заимствование у будущего, которым уже сейчас многие крайне обеспокоены, в том числе и в наших обществах, во всём западном мире. Что произойдёт, когда кредиторы скажут, что пришло время возвращать долги? Мы видели, что в последнее время произошло в Греции и Португалии. Конечно, Греция была спасена Европейским Союзом, но лишь переложением проблемы на плечи остальных членов Европейского Союза. На самом деле проблема никуда не делась. Существует растущая задолженность, надвигающийся экономический кризис и большинство бы сказало, что день расплаты должен наступить. И мы не знаем, на что он будет похож.

Другим последствием является разрушение высокой культуры, то есть такого типа культуры, который университеты должны сохранять и культивировать. Небольшое число людей обладает критическим пониманием собственных мотивов. Желания берут верх над рефлексией. И люди всегда ищут вокруг того, кого есть за что обвинить. И в свою очередь это приводит к враждебности к отличиям во всех формах и к расширению своеобразной культуры посредственности. «Быть собой это нормально, и меня не волнует, если ты думаешь что ты лучше меня. Я просто счастлив быть тем, кем являюсь».

Но у такого отношения есть положительная сторона. Мы можем пройти через это. Мы все знаем, что если вы склоните голову, люди оставят вас в покое. И это уже, по крайней мере, временное решение проблемы. К сожалению, на протяжении всей моей жизни я не склонял головы, так что эта часть моего тела очень помята. Но она всё ещё на месте, а я не вышел из строя. И сейчас отпраздновав своё семидесятилетие, то, что происходит со мной для меня на самом деле большого значения не имеет.

Важнее, что мы должны принимать необходимость защищать меньшинства и даже образованные меньшинства. И так происходит, потому что в своих сердцах мы признаём, особенно когда у нас есть дети, что мы

желаем возможностей, не только для себя, но и для них. И поэтому нам нужна такая культура, в которой успех будет отличаться от неудачи. Мы можем не знать в какой сфере наши дети будут конкурировать, но тем не менее мы знаем что существует разница между успехом и провалом, и конечно же, не хотим чтобы наши дети потерпели неудачу. Таким образом, люди не всегда стремятся к посредственности. Я думаю, у всех родителей есть желание, чтобы существовали стандарты в сфере образования. И все люди, которые идут на жертвы, чтобы стать образованными, сами признают, что должны существовать такие стандарты. По какой ещё причине они бы стали этим заниматься?

Более того, конкурируют и родители. Конкуренция лежит в природе процесса размножения. Размножение ещё не является делом прошлого, что, я уверен, вы осознаёте, потому что находитесь в этой комнате. Я знаю, что оно не слишком тревожит людей сегодня и цифры идут на спад, но, тем не менее, люди сталкиваются с размножением, только как с нежелательным побочным продуктом, как с тем что случается. А потом эти дети и мы хотим, чтобы они добились успеха. Конкуренция лежит в основании самого этого процесса. Каждый в этой комнате, у кого есть ребёнок, знает об этом. Вы отвечаете за его жизнь, вы собираетесь его защищать, вы хотите убедиться, что с ним всё в порядке. И это по существу конкурентное отношение, потому что мир суров. Настоящие поборники равноправия, люди которые верят что равенство – это всё, как правило, бездетны, или иначе, как наши политики, они в тайне оберегают преимущества для своих детей, в то время как создают впечатление посредственности для всех остальных.

Так, я предлагаю несколько способов защититься от уравнивания (mediocrity). Как я говорил, меньшинства обладают правами, одним из которых является право на объединение. Право на объединение служит для защиты собственных накоплений. Мы имеем право создавать наши собственные школы и колледжи. В культуре большинства и то и другое под угрозой. В моей стране, Великобритании, и то и другое под угрозой. Под правлением лейбористов существование частных школ больше невозможно. Но до тех пор, пока мы думаем, что существует свобода объединений, люди будут собираться вместе и пытаться спасти себя. Возможно, всё так и должно происходить.

Однако урок XX века состоял в том что всему прекрасному уготована участь жертвы. Если вы оглянетесь на то что произошло в Европе в XX веке - если вы оглянетесь на самую прекрасную культуру, что действительно существует - вы увидите, что всё прекрасное было принесено в жертву. Не только люди, но города, институты, унаследованные нами красивые системы права, всё было принесено в жертву. Великобритания

является исключением, и даже здесь всё это было критически повреждено. И я думаю, что это то что все люди должны, в конце концов, признать: всему прекрасному уготована участь жертвы.

Но мы можем двигаться дальше и должны двигаться дальше. Мы должны разработать конституцию, которая будет содержать нечто от старой идеи наследования, конституции, которая будет препятствием для большинства тиранически стоять над желающим развивать себя меньшинством. Затем нам нужен такой политический дискурс, который скроет этот факт от большинства. Это то, место, где наступают трудности. В конце концов, вам понадобится небольшая ложь. Вы должны сказать: «Конечно, это общество равенства». И американцы всегда так говорят, даже когда их конституция была тщательно разработана так, чтобы препятствовать тому, чтобы быть единственной правдой. Американская конституция была разработана, чтобы защитить меньшинства, чтобы защитить человеческие способности к развитию и подчинить более строгим стандартам, чем тем которые были бы доступны исключительно большинству.

И это труднейшая задача, но я думаю, молодые люди ей последуют. Они инстинктивно желают рассматривать свою деятельность как достижения. Однако, в то же время вам следует практиковать искусство сокрытия. Для этого существует красивое арабское слово – «такия» (taqiya). Оно появилось в шиитской мысли в средние века у персов, когда они жили под османским или суннитским правлением, запрещающим их особую форму религии. И на самом деле слово в их языке «такия» происходит от слова «святость». Они говорили, что вы должны практиковать следующее: всякий раз, когда вы сталкиваетесь с другим, учитесь говорить, что вы верите точно так же, как верят они, что живёте точно так же как они, и внутренне горько страдая, но, не раскрывая себя, обладать душой, которая знает правду. Конечно, это грубый способ описать жизнь людей, таких как я, но это всё ещё тот случай, когда один должен прикладывать усилия, чтобы иногда что-то скрывать. Сейчас же я не прилагаю усилий скрывать то, что я думаю, поэтому нахожусь в опасном положении. Я могу стать жертвой, козлом отпущения.

Но эта проблема беспокоит нас. Совет, который должен быть дан, не может быть дан открыто. И вы должны скрывать своё отличие во множестве ситуаций современной жизни. Вам не обязательно давать понять своему соседу, что вы не такой глупый как он. Не выставляйте напоказ свою культуру и не предпринимайте попыток критиковать её отсутствие. С удовольствием признавайте себя таким же идиотом как ваш сосед. Один из моих старых студентов приехал из Пристона погостить на днях. Он работает в высококласном финансовом учреждении в Лондоне, и я

стал говорить ему: «Что ж, это здорово, что всё это у тебя есть. Это потрясающе. Это стоило тех усилий, которые ты вложил в изучение классических языков, произведений Гёте и философии, которой я тебя учил». И он ответил: «Да, но более полезно было бы научить меня беседовать о футболе. Потому что это единственное о чём говорят в моём офисе. Однажды у меня вырвалось замечание о Гёте, и я очень ясно осознал что всё моя карьера была поставлена на кон». Ему я ответил: «Да, конечно, но не предупреждал ли я тебя об этом?». Он сказал, что забыл об этом совете и затем извинился.

В конце концов вы должны честно признать право других людей как членов большинства определять будущее того общества в которое входите и вы. Вы не должны выдавать своё тайное желание развиться до (to pass on) другого типа культуры. Итак, о каком типе культуры здесь идёт речь? Этому будет посвящена моя заключающая ремарка.

Я думаю, мы действительно хотим перехода в такую культуру, которая будет базироваться на знании и отличии действительного знания от всего лишь мнения. Особенно этого желают в университетах. Очевидно, очень трудно для вас выделить те из ваших мнений, которые несут действительное знание, от тех, которые его не несут, потому что с вашей точкой зрения, они будут одинаковыми. Но в контексте университетских открытых дебатов вы придёте к пониманию того что ваши взгляды имеют разный вес. Некоторые из них откровенно слабы и не значат ничего. Они не вписываются должным образом в гармоничный ход беседы. Но другие, когда вы их верно вставляете в свою речь, могут убедить. Таким образом, вы можете заставить других вам поверить и принять ваши аргументы, потому что ваши взгляды будут основываться на чём-то ещё.

И это знание должно выносить суждения и устанавливать стандарты, оно должно отличать истину от лжи, хорошее от плохого, добродетель от порока и так далее.

Я думаю, это знание обязано уважать наше наследие, сложившиеся институты, и выдержавшие испытание временем традиции. Одна из трудностей людей моего поколения состоит в том, чтобы донести эту идею до вашего поколения. Очевидно, что унаследованные мной институты страшно изменились за последние пятьдесят лет моей сознательной жизни. Но я всё ещё верю, конечно, не в ценность каждого из унаследованных институтов - некоторые из них изменились, а от некоторых справедливо отказались – но, тем не менее, я верю в их унаследованную суть, благодаря которой я стою здесь и высказываю своё мнение. И я хочу передать её дальше. И думаю, сущность нашего наследия может быть передана только тогда, когда мы уважаем идею о том, что у нас уже есть эта сущность.

Мы ей обладаем, потому что она была передана нам людьми, которые ради этого шли на жертвы. Я думаю, мы должны научиться уважать эти жертвы и, когда уже наступил наш черёд, выполнить нашу часть работы по передаче этих институтов и традиций. Это не означает того, что мы должны принимать всё, что они с собой несут. Наоборот, мы должны сделать в них собственный, живой вклад. И эти традиции, и институты должны быть множеством способов исправлены.

Но превыше всего, я думаю, мы должны сохранять живой коллективную память о том, кем мы как люди являемся. Это не сводится лишь к сохранению того что, как происходит в наше время, желает сохранить большинство. В Америке демографический характер страны резко меняется с каждым поколением и всё же там есть чувство принадлежности друг к другу и к общему наследию. Мы хотим изменить отдельные аспекты нашего общего наследия, но, тем не менее, без этого наследия мы не могли бы мирно сосуществовать в одном и том же месте. И я думаю, это наше сосуществование задействует вовлечённость в активную работу памяти, в которой мы сталкиваемся с некоторыми отрицательными явлениями, которые случались, и, тем не менее, спасаем из них те позитивные, которые мы хотим увековечить. Полагаю, эта коллективная память должна в свою очередь быть открытой к идеям достижений, стремлений и идеалов, которыми люди в изменившихся обстоятельствах обладают до сих пор¹.

---

¹ «В защиту элитизма» не является типичной философской статьёй. Это отредактированная запись выступления Р.Скратона, состоявшегося в 2014 году в Балтиморском Университете. Именно поэтому в данной статье английский философ обращается к аудитории и намеренно не придерживается нейтрального академического тона. Но это не делает статью менее философской. Более того, это ещё раз подчёркивает что Скратон, не смотря на консервативные воззрения, не изолирует себя от жизни и даже стремится приблизить к ней свою философию, сделать её живой и актуальной